

УДК 343

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ:
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

*канд. юрид. наук, доц. Г.В. ФЁДОРОВ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)*

На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь и других стран, а также правоприменительной практики и теоретических взглядов ученых на проблему законодательной регламентации институтов задержания и судебной экспертизы рассматриваются аспекты проблемы криминалистического значения процессуальных документов. Научно доказывается целесообразность включения в часть 1 статьи 110 УПК положения, закрепляющего необходимость отражения в протоколе задержания заявления подозреваемого и описания одежды, в которой он находился в момент задержания. Обосновывается целесообразность исключения из УПК следующих терминов: «сообщение (уведомление, акт) о невозможности дать заключение» и «отказ от дачи заключения». В результате исследования автор приходит к выводу о том, что ответы типа «не представилось возможным» следует отражать не в заключении эксперта, а в уведомлении об отказе от дальнейшего проведения экспертизы.

Введение. Процессуальные документы представляют собой надлежащие удостоверенные материальные (чаще бумажные) носители, на которых зафиксированы сведения, имеющие отношение для решения дела по существу. Криминалистическое значение таких документов заключается, во-первых, в содержащейся в них информации, во-вторых, в категории процессуальной формы, в соответствии с которой они составлены. Так, например, протоколы следственных действий относятся к источникам доказательств и содержат фактические данные, имеющие значение доказательств.

В следственной и судебной практике при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, возникают затруднения в определении криминалистического значения сведений, содержащихся в протоколе задержания (результаты личного обыска) и некоторых процессуальных документах, составляемых экспертами. В теоретических работах ученых, исследовавших проблему правовой природы институтов задержания и судебной экспертизы (А.Г. Александровский, Ю.П. Аленина, И.А. Веретенников, Н.А. Жиляева, Ю.Г. Корухов, В.Т. Маляренко, В.Ю. Мельников, Ю.К. Орлов, В.Ф. Орлова, В.Г. Петровский, И.А. Ретюнских, А.Б. Смушкин, В.М. Тогулев, О.Н. Филькова, С.М. Храмов, В.И. Янушко и др.), рассмотрение указанных вопросов и разработка научно-практических рекомендаций не осуществлялись.

Постановка задач. Аспекты проблемы, связанные с установлением криминалистического значения протоколов задержания и некоторых процессуальных документов, составляемых экспертами, определяют задачи и предмет исследования, актуальность которых обусловлена потребностями практики в разработке комплекса научно-практических рекомендаций по этому виду деятельности.

Методы исследования. Изучение предмета основывалось на диалектическом детерминизме криминалистического значения процессуальных документов, их формы и содержащихся в них сведений при использовании анализа и обобщения следственной и судебной практики и теоретических представлений, индукции, дедукции, аналогии, формализации, систематизации, сравнения и других методов познания исследуемых аспектов проблемы.

Результаты и их обсуждение. Криминалистическое значение протокола задержания связано прежде всего с решением проблемы институциональной принадлежности самого задержания. Одна группа ученых (В.П. Божьев, С.В. Борико, И.А. Возгрин, Г.В. Дроздов, А.Я. Дубинский, С.Ф. Шумилин и др.) относит эту уголовно-процессуальную категорию к институту следственных действий [1, с. 281; 2, с. 145 – 146; 3, с. 423; 4, с. 164 – 165]; другая (А.И. Трусов, А.П. Рыжаков и др.) подчеркивает двойственную природу задержания, рассматривая его и как меру принуждения, и как самостоятельное средство получения доказательств [5, с. 207; 6, с. 54 – 67]; третья (В.Н. Григорьев, Л.И. Кукреш и др.) считает его мерой процессуального принуждения [7, с. 65 – 68; 8, с. 221 – 224].

В Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ задержание рассматривается как мера, гарантирующая собрание доказательств наряду с выемкой (§ 98 УПК), прослушиванием телефонных переговоров (§ 100а, 100б УПК), обыском жилища, служебных помещений, личным обыском (§ 102, 103, 105 УПК), освидетельствованием (§ 81а УПК). Законодательство Казахстана, с одной стороны, относит задержание к следственным действиям (ч. 1 ст. 122 УПК), с другой – к мерам принуждения (гл. 17 УПК).

Если подходить к задержанию как одновременно к следственному действию и мере процессуального принуждения, то это не согласуется с правовой регламентацией процессуальной формы документа, которая не допускает оформление одним протоколом двух процессуальных действий. Однако имеется исключение, которое можно отнести к коллизии в законе, когда в протокол задержания заносится резуль-

таты личного обыска (ч. 1 ст. 110 УПК Беларуси). Если считать задержание следственным действием, то протокол задержания будет относиться к таким источникам доказательств, как протоколы следственных действий. Однако задержание носит принудительный характер и имеет цель обеспечить участие лица, подозреваемого в совершении преступления, в уголовном процессе, пресечь возможности продолжать преступную деятельность и препятствовать установлению истины по делу и т.п. Эти обстоятельства не совпадают с целями следственных действий и обуславливают необходимость отнесения задержания подозреваемого к мерам процессуального принуждения. В таком случае протокол задержания как источник доказательств требует осмысления.

Анализ положений части 2 статьи 88, части 1 статьи 100, части 3 статьи 105, статьи 108 и части 1 статьи 110 УПК Республики Беларусь позволяет заключить, что протокол задержания подпадает под понятие «иные документы», так как содержащиеся в нем обстоятельства и факты удостоверены должностным лицом органа уголовного преследования, осуществивших фактическое задержание, и имеют значение для уголовного дела.

Часть 1 статьи 110 УПК Республики Беларусь требует от должностных лиц вносить в протокол задержания результаты личного обыска. В то же время часть 2 статьи 173 УПК дает право проводить до возбуждения уголовного дела личный обыск при задержании и в соответствии со статьями 193, 194, 208, 210 – 212 УПК после его проведения составлять отдельный протокол этого следственного действия. Такой же порядок предусмотрен, например, в статьях 85, 106, 177, 178, 184, 188 и 189 УПК Украины. Составление отдельного протокола личного обыска при задержании позволяет оценивать содержащиеся в нем фактические данные как доказательства, полученные в надлежащем порядке и из предусмотренных законом источников (ч. 3 ст. 105 УПК Беларуси).

Результаты исследования правоприменительной практики института задержания показывают, что использование протокола задержания как источника доказательств связано обычно с фактическими данными, отражающими результаты личного обыска. Применение этого процессуального документа для установления обстоятельств дела в случаях, не связанных с фиксацией в нем таких данных, составляет лишь 1,85 %. Для повышения эффективности использования протокола задержания как источника доказательств целесообразно уточнить его содержание с позиции отражения в нем криминалистически значимой информации. В качестве такой информации может выступать, например, одежда, в которой находилось подозреваемое лицо, или заявление, которое оно сделало в момент его задержания.

При изучении уголовных дел выяснилось, что описание одежды, в которой находилось в момент задержания подозреваемое лицо, встречается в протоколах задержания, составляемых представителями органов уголовного преследования, как правило, г. Минска. При этом в 82,54 % случаев одежда описывается поверхностно, без указания индивидуализирующих признаков, что существенно снижает доказательственное значение сведений, содержащихся в этом процессуальном документе. Заявление лица по поводу его задержания по подозрению в преступлении чаще всего не фиксируется. Бывают случаи, когда задержанный угрожает расправой или увольнением, основываясь на коррупционных связях с чиновниками правоохранительных органов. Отражение в протоколе задержания также этих сведений способствовало бы определению уровня коррупции в системе власти и форм борьбы с ней.

Такая практика обусловлена прежде всего отсутствием в статье 110 УПК положения, обязывающего орган уголовного преследования описывать одежду и фиксировать заявление задержанного по непосредственно возникшему подозрению. Закрепление этого положения в УПК не противоречит ни букве, ни сути уголовно-процессуального законодательства и показывает, как важно отражать вышеуказанные сведения в протоколе задержания для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Что касается процессуальных документов, составляемых экспертами в связи с выполнением своих обязанностей и прав, то в статье 61 УПК Республики Беларусь их предусмотрено, по крайней мере, пять видов: заключение эксперта (п. 4 ч. 2, п. 1 ч. 4); ходатайства, например, о предоставлении дополнительных материалов (п. 2 ч. 2); жалоба (п. 7 ч. 2); сообщение сведений о своем профессиональном опыте и отношениях с лицами, участвующими в производстве (п. 4 ч. 4); уведомление, например, об отказе дачи заключения и от дальнейшего проведения экспертизы (п. 2 ч. 4). Последний документ в других статьях Уголовно-процессуального кодекса имеет разные названия. Так, в части 2 статьи 232 УПК – это акт о невозможности дать заключение, а в части 3 статьи 236 УПК – сообщение о невозможности дачи заключения (СНДЗ). Такое же разночтение имеется и в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь: в части 1 пункта 11 говорится об акте, а в части 4 пунктов 14 и 21 – о сообщении [2, с. 10 – 11]. Кроме того, в законе содержится различное толкование оснований для составления экспертом тех или иных документов. Так, в пункте 2 части 4 статьи 61 УПК СНДЗ является основанием для отказа от дальнейшего проведения экспертизы, в то же время в части 3 статьи 336 это сообщение приобретает форму самостоятельного документа. Причем некоторые основания для его составления полностью повторяют основания, предусмотренные для отказа от дачи заключения.

Нами ранее исследовалась проблема коллизии норм, применяемых при исполнении экспертом прав и обязанностей, и сделаны соответствующие предложения по их устранению [10]. Однако предложение Н.В. Ефременко о внесении изменений и дополнений в пункт 2 части 4 статьи 61 УПК [11, с. 16] и необходимость анализа составляемых экспертом процессуальных документов с позиции содержания в них криминалистически значимой информации требует дополнительного исследования этой проблемы.

Н.В. Ефременко в своем предложении уточняет обязанность эксперта «отказаться от дачи заключения, если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний или если представленные ему материалы непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть восполнены, либо если состояние науки и экспертной практики не позволяют ответить на поставленные вопросы, о чем письменно уведомить лицо, поручившее ему производство экспертизы, с обоснованием этого отказа» [11, с. 16]. Его предложение направлено на приведение содержания пункта 2 части 4 статьи 61 в соответствие с частью 3 статьи 236 УПК, а не на решение проблемы по существу. Н.В. Ефременко в диссертационном исследовании не предпринял попытки осмыслить правомерность выражения «отказаться от дачи заключения», поэтому его предложение ничего принципиально нового не несет.

Разночтения в ныне действующем УПК Беларуси обосновывают необходимость определить, что именно должно составляться: СНДЗ, отказ от дачи заключения или отказ от дальнейшего проведения экспертизы.

Что касается СНДЗ, то в части 3 статьи 236 УПК указаны следующие основания: 1) поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта; 2) предоставленные ему материалы непригодны для дачи заключения; 3) предоставленных материалов недостаточно для дачи заключения, и они не могут быть восполнены; 4) состояние науки и экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы. Пункт 2 части 4 статьи 61 УПК регламентирует основания для отказа от дачи заключения: 1) поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта; 2) представленные ему материалы недостаточны для ответа на эти вопросы, которые по своему содержанию схожи с основаниями 1, 3 для СНДЗ. Основания 2, 4 для СНДЗ по смыслу пункта 2 части 4 статьи 61 УПК являются основаниями для отказа от дальнейшего проведения экспертизы. Отсюда следует, что СНДЗ как самостоятельный процессуальный документ теряет свой юридический смысл. При этом отметим, чтобы эксперту прийти к выводу о недостаточности предоставленных ему материалов, нужно провести определенным объемом исследований, поэтому данное основание следует отнести к отказу от дальнейшего проведения экспертизы.

Таким образом, для отказа от дачи заключения остается одно основание – когда поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта. Однако в этом случае необходимо выяснить: правомерно ли причислять отказ от дачи заключения к обязанностям эксперта. Для этого требуется анализ положений о «выходе поставленных вопросов за пределы специальных знаний эксперта» и его некомпетентности и сопоставление этих положений с отводом эксперта. Еще в семидесятые годы прошлого века А.В. Дулов пояснял, что выходящими за пределы специальных знаний эксперта являются вопросы, относящиеся к области права или другой науке, в которой данный эксперт не компетентен [12, с. 87]. По мнению В.М. Галкина, некомпетентность определяется «...принадлежностью поставленных вопросов к другой области знания или другой узкой специализации» [13, с. 82]. Следовательно, выход поставленных вопросов за пределы специальных знаний эксперта является основанием для признания его некомпетентности. В свою очередь некомпетентность эксперта в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 85 УПК является основанием для его отвода. Поэтому когда поставлены вопросы, выходящие за пределы специальных знаний эксперта, должен применяться институт отвода эксперта.

Таким образом, в пункте 2 части 4 статьи 61 УПК остается одна обязанность эксперта – отказаться от дальнейшего проведения экспертизы при наличии надлежащих оснований.

Анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих основания отказа от дальнейшего проведения экспертизы, показал, что они должны составлять следующий исчерпывающий перечень: 1) предоставленные эксперту материалы непригодны; 2) состояние науки и экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы. При этом отметим, что непригодность объекта экспертизы – это его невосполнимая недостаточность, отсутствие в нем какого бы то ни было поддающегося выявлению с помощью современных научных средств и методов отражения социально-правового явления или неполного (неадекватного) отражения признаков этого явления в объекте исследования. На невосполнимую недостаточность как части понятия «непригодности» указывают также Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская [14, с. 120; 15, с. 251]. Таким образом, основание недостаточности и невосполнимости предоставленных эксперту материалов полностью входит в содержание основания об их непригодности.

Уведомление об отказе от дальнейшего проведения экспертизы может содержать лишь такую криминалистически значимую информацию, которая используется для выдвижения версий и планирования расследования. Информация, пригодная для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, обычно отражается в заключении эксперта, так как по смыслу части 2 статьи 88 УПК этот процессуальный документ является источниками доказательств. Именно на этом основании в заключении эксперта

не должно быть ответов типа НПВ (не представилось возможным). Такие ответы следует помещать в уведомление об отказе от дальнейшего проведения экспертизы по причине того, что состояние науки и экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы.

Исследования аспектов проблем, связанных с криминалистическим значением процессуальных документов, позволили сделать следующие **выводы**: задержание рекомендуется рассматривать как меру уголовно-процессуального принуждения, протокол которого может быть отнесен к таким видам источников доказательств, как иные документы. В нем целесообразно отражать общие и частные признаки одежды задержанного и его заявления. Результаты личного обыска при задержании подозреваемого следует фиксировать в соответствующем протоколе следственного действия. Для обеспечения единообразной правоприменительной практики проведения задержания подозреваемого часть 1 статьи 110 УПК Беларуси целесообразно изложить в следующей редакции: «Немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указываются основания, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), *заявление подозреваемого и описание одежды, в которой он находился в момент задержания*, а также время составления протокола. Протокол объявляется задерживаемому и при этом разъясняются предусмотренные статьей 41 настоящего Кодекса права, в том числе право пригласить защитника и давать показания в его присутствии, что отмечается в протоколе. Протокол подписывается лицом, его составившим, и задержанным».

Все основания для СНДЗ по смыслу пункта 2 части 4 статьи 61 УПК являются основаниями для отказа от дачи заключения или от дальнейшего проведения экспертизы. Отсюда следует, что СНДЗ как самостоятельный процессуальный документ теряет свой юридический смысл. Следует упразднить в УПК понятие «отказ от дачи заключения», так как в случае, когда поставлены вопросы, выходящие за пределы специальных знаний эксперта, должен применяться институт отвода эксперта. Основаниями для отказа от дальнейшего проведения экспертизы может быть следующий исчерпывающий перечень: 1) предоставленные эксперту материалы непригодны; 2) состояние науки и экспертной практики не позволяет ответить на поставленные вопросы. В этой связи ответы типа НПВ следует отражать не в заключении эксперта, а в уведомлении об отказе от дальнейшего проведения экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный процесс: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / Е.А. Доля [и др.]: под общ. ред. В.П. Божьева. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.
2. Борико, С.В. Уголовный процесс: учеб. / С.В. Борико. – Минск: Тесей, 2002. – 288 с.
3. Криминалистика: учеб. для образоват. учреждений М-ва юстиции Рос. Федерации / Г.А. Абдумажидов [и др.]: под ред.: И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации. – М.: Дело, 2001. – 800 с.
4. Уголовный процесс: учеб. для вузов / Г.В. Дроздов [и др.]: под общ. ред. А.С. Кобликова. – М.: Норма, 2001. – 373 с.
5. Уголовный процесс: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / А.И. Трусов [и др.]: под общ. ред. К.Ф. Гуценко. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1998. – 575 с.
6. Рыжаков, А.П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств: учеб. пособие / А.П. Рыжаков. – Тула: Тул. типогр., 1999. – 318 с.
7. Григорьев, В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – М.: ЮрИнфоР, 1999. – 541 с.
8. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общ. ч.: учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск: Тесей, 2005. – 352 с.
9. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 года № 1 // Суд. весн. – 2001. – № 2. – С. 8 – 11.
10. Фёдоров, Г.В. Процессуальные права и обязанности эксперта: проблемные аспекты / Г.В. Фёдоров, Ж.Л. Малинок // Юстиция Беларуси. – 2007. – № 2. – С. 76 – 79.
11. Ефременко, Н.В. Криминалистическое исследование изготовленных по современным технологиям достоверительных печатных форм и их оттисков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.В. Ефременко; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2009. – 24 с.
12. Комментарий к УПК БССР / А.В. Дулов [и др.]: под общ. ред. А.А. Здановича. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Бел. гос. ун-т, 1973. – 504 с.
13. Галкин, В.М. Средства доказывания в уголовном процессе: в 3 ч / В.М. Галкин. – М.: Центр. науч.-исслед. ин-т суд. экспертиз, 1967 – 1969. – Ч. 2: Заключение эксперта; отв. ред. В.К. Степутенкова. – 1968. – 96 с.
14. Белкин, Р.С. Криминалистика: учеб. слов.-справ. / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1999. – 268 с.
15. Энциклопедия судебной экспертизы / Т.В. Аверьянова [и др.]: под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Росинской. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.

Поступила 10.03.2009